

# БЕРГМАНА

мы встретились, и безостановочно говорили весь вечер — без переводчика, на каком-то только нам понятном языке. Нам было очень хорошо...

На пресс-конференции, которую созвал продюсер фильма, в общем-то даже не поставив нас в известность, я симпровизировал, сказав, что фильм «Дуэт» будет о женщинах. Бергман, человек тонкий и умнейший, понял меня с полуслова и подтвердил, что так оно и будет. Тогда продюсер, тоже мгновенно сориентировавшись, заявил, что фильм будет называться «Любовный дуэт».

— Почему же этот проект не был реализован!

— Мы еще несколько раз встречались, все время в Риме, он специально приезжал со своего островка Форте, где постоянно живет. Помню, однажды мы встретились в гостиничном номере, окна которого, как мне тогда показалось, находились буквально на нескольких сантиметрах от колокольни одной из римских церквей, и потому наши голоса постоянно заглушал просто адский колокольный звон. Мы вышли поговорить в коридор и стояли, прислонившись к стенке и заложив руки за спины. Он поведал мне свою идею — очень симпатичную. Сказал, что было бы хорошо, чтобы в этом нашем фильме, посвященном женщинам, мы в какой-то момент обменялись бы актрисами. То есть одна из его любимых актрис, которая будет играть у него, «перешла» бы в мой эпизод и наоборот. Мы радовались этому проекту как два студента, и нам, конечно же, никто и не думал мешать, фирма даже не собиралась знакомиться со сценарием, нам полностью доверяли. Мы также предполагали, что я сам вмешаюсь в его эпизод, — когда он будет «приед» в Стокгольм, заменю его, сниму кусочек его новеллы, а он потом тоже придет ко мне в Рим и снимет кусочек в моем эпизоде.

Идея, конечно, немного вздорная, однако забавная. Но тут сменился президент фирмы, новый захотел познакомиться со сценариями, мы должны были еще несколько раз встретиться... Может быть, Бергман был этим недоволен. В общем, все ушло в песок.

— А что вы думаете о его фильмах, на какое место в истории кино вы бы их поставили!

— Прежде всего будем исходить из того, что я не видел. Я согласен, что история кино знает особые периоды — например, было время, когда все смотрели французские фильмы, — в частности, ленты Карне или Ренуара, потом был период Росселлини, этого удивительного режиссера, историка и поэта. Потом пришли фильмы Бергмана и Бунюэля...

— А если бы вам пришлось классифицировать все это, кого бы вы поставили на первое место!

— Сначала — все фильмы братьев Маркс, затем ленты итальянца Станлио и Олио, потом Бунюэля. Если бы даже он снял только ленту «Скромное обаяние буржуазии», уже этого было бы достаточно, чтобы войти в историю кино... Потом идет Чаплин — он для меня как Рождество, как Пасха, как Волхвы, снег, весна, — потому что мы узнавали его в детстве, в том самом возрасте, когда все вокруг было наполнено чудесами и тайнами...

— А Бергман! Какое впечатление произвели на вас его фильмы!

— Я посмотрел «Земляничную поляну», и меня поразил этот фильм. До него я посмотрел ленту «Расемон» Кurosавы, она тоже произвела на меня огромное впечатление. Я ведь «вышел» из кино Росселлини и все время чувствовал за собой некую вину, потому что не «вписался» в орбиту фильмов-разоблачений. А вот «Расемон» подсказал мне, что кино может уйти за пределы

социальных разоблачений, что ему дано вторгаться в область подсознания, в сказку, что съемочная камера может быть также такой же красочной, безбрежной, волнующей, как печатная страница, к которой прикасалась рука писателя или поэта. Фильмом «Земляничная поляна» он еще раз доказал: кино — это отнюдь не продукт съемочной камеры, запечатляющей на пленку то, что находится перед нею. Это нечто глубокое, более сложное, — кинокамера может перенести на пленку то, что находится внутри тебя, она может вызвать возмущение и погрузить вас в мечты, показывать все под совершенно необычным углом зрения. Из всех фильмов Бергмана меня больше всего поразила лента «Лицо». На мой взгляд, именно в этом фильме он раскрыл сущность художника, показал его как поэта, медиума, колдуна, именно здесь он рассказал и о себе — раскованно и откровенно. В Бергмане меня всегда поражают эти его парapsихологические способности, граничащие с даром медиума. Еще надо отметить, что в его лентах неизменно присутствует нечто липкое, темное, ледяное и могильное — это и притягивает к ним, и завораживает, и в то же время пугает и отталкивает.

— Некоторые говорят, что его фильмы скучны, что он злоупотребляет психоанализом...

— Скучные — вот уж нет, по крайней мере для меня... Они так переполнены тревожной мукой, скрытой угрозой, что просто не успеваешь заскучать... Его почерк не спутаешь ни с кем. Достаточно посмотреть на один-единственный кадр, чтобы сразу сказать — да, это его кадр, только у него такое яростно-мертвенное освещение, только у него такие лица, сквозь плоть которых ощущаешь контуры черепа...

Этот художник умеет выразить себя полностью, и я безгранично восхищаюсь им.

Публикацию по материалам римского еженедельника «Эспрессо» подготовила  
Л. ФИЛАТОВА.